

Однажды мне задали вопрос: “Правда ли, что Владимир Чивилихин открыл Валентина Распутина?”

Да. Правда.

Решила просмотреть материалы домашнего литературного архива Владимира Алексеевича, связанные с читинским семинаром. Материалов оказалось достаточно, чтобы, опираясь на них, рассказать читателю историю знакомства двух писателей, дружеского их общения.

Кратко познакомлю читателя с тем, как Владимир Чивилихин попал на читинский семинар, встретился с Валентином Распутиным.

“Вспоминаю ставший уже легендарным читинский семинар молодых писателей, на который я попал совершенно случайно... Незадолго до читинских литературных разборов и бесед встретился мне на улице Леонид Сергеевич Соболев. Подчёркивая – именно на улице, вернее сказать, в одном тихом закоулке Замоскворечья, что было до странности необычно. Соболев как председатель Союза писателей России мог пользоваться служебной машиной, а тут шёл пешком по узкому безлюдному проулку, постукивая палкой...

Соболева я любил, только он этого не подозревал, потому что, мне казалось, вообще не знал меня... При случайных встречах я внятно говорил “здравствуйте”, а он, очевидно, по причине своей вечной занятости отвечал одними согласными звуками – “здрств” и спешил мимо. Любил же я его за книги, написанные им, за классический перевод “Абая”, за непохожесть на своих ровесников, за сибирское происхождение и морскую душу, которую он в последние свои годы, уже не имея времени писать, распахивал навстречу людям...

– Здрств, – пробормотал я, поравнявшись с Соболевым, не рассчитывая, что он услышит.

– Здравствуй, здравствуй! – ответил он и, положив мне руку на плечо, остановил, потом резво повернулся, сделал несколько шагов рядом и снова остановился: – Слушай, какой интересный дом!

Прошли Черниговским переулком до конца, рассматривая, обсуждая, восхищаясь замечательными барельефами старинного строения, особняком с классическими портиком и колоннадой, церковью во имя князя Михаила Черниговского и церковью Иоанна Предтечи...

Садясь в машину, Соболев спросил:

— Слушай, а какого дьявола ты отказываешься от Читы?

— Да я не отказываюсь... Болел, когда звали.

— А сейчас?

— Терпимо.

— Так поедем! Зайди в Союз и возьми там остатки неразобранных рукописей — может, и найдёшь что-нибудь обещающее, а? Хотя бы с тоненькой прожилочкой талантишка!

И вот я думаю сейчас — какие всё же паутиночки случайных обстоятельств стали причиной моей — теперь уже давней — поездки в Читу...

Как не удивляться, например, тому, что в остатках неразобранных рукописей нашлась куда как обещающая, воистину золотая прожилочка!

В кружке, который я вёл, все дни молча просидел на задней скамеечке тихий паренек с огромными тёмными глазами. Один из его рассказов я прочёл ещё в Москве, в нём послышалось мне звучание напряжённой и хорошо настроенной струны. По приезде в Читу я сразу же разыскал автора и сказал, что за этот рассказ могу хоть сейчас дать рекомендацию в Союз писателей. А на семинаре мы разобрали ещё несколько его рассказов, очень разных, местами подражательно-искусственных, местами очень чистых по языку и естественно-оригинальных по настрою. Рассказ же “Человек с этого света” был совсем хорош — в общем и частностях. Глубокой ночью я продиктовал его по телефону стенографистке “Комсомольской правды”... Это было произведение единственного “семинариста”, опубликованное ещё в дни нашей работы, и первое появление в центральной печати Валентина Распутина...

А вот как вспоминает в своих работах читинский семинар Валентин Распутин.

“...Поработав в газете несколько лет, попробовал вернуться к чисто литературному жанру. Как раз собиралось совещание молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Чите, и я решил — напишу несколько рассказов и поеду туда. Вот так взял и написал, и поехал. Мне повезло — руководителем моего семинара оказался Владимир Чивилихин. Его-то я и считаю своим “крёстным отцом” в литературе. Теперь понимаю, что те мои первые опыты были всё-таки очень беспомощны. Но Чивилихину два-три рассказа понравились. Он ещё до начала конференции пришёл ко мне в гостиницу, подбодрил меня, а один из рассказов передал по телефону в “Комсомольскую правду”. Ещё семинар не закончился, а рассказ был там напечатан...”

...Когда возрастом переживёшь своего учителя, многое кажется странным. Странно, что Владимиру Алексеевичу Чивилихину было всего 56, когда он скончался, на пять лет меньше, чем мне теперь, а значение и авторитет его имени были к тому времени огромными, его духовная фигура высилась в обществе могучей глыбой. Странно, что, когда мы впервые встретились в сентябре 65-го года в Чите, ему ещё далеко было до сорока, совсем молодой человек, написавший к тому времени и “Серебряные рельсы”, и “Про Клаву Иванову”, и “Ёлки-моталки”, и многое другое...

...Когда я ставлю себя на его место и думаю: а как бы, интересно, я в свои неполные сорок лет, но уже после “Последнего срока” и “Живи и помни” отнёсся к начинающему литератору, автору “моих” рассказов образца 1965 года, и, боюсь, обошёлся бы я с ним более сурово”.

Поэт Владимир Фирсов однажды написал: “Работая в “Комсомолке”, Владимир Алексеевич Чивилихин работал не на себя. Отыскивая молодые таланты, он радовался им больше, чем собственным удачам, ради других обила пороги редакций, звонил, просил, убеждал издателей до тех пор, пока книга того, кому он поверил, не выходила в свет. Будучи сибиряком, болел не только за земляков, но и за всех тех, кто нёс правду, свежее слово, острую мысль.

Владимир Чивилихин имел много друзей и умел сам быть другом...”

“Россыпь литературных талантов обнаружила тогда наша бригада...” — писал Владимир Чивилихин. “Напомню читателю некоторые имена, чья теперешняя известность зародилась в Чите, — прозаики Валентин Распутин, Владимир Колыхалов, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин, Дмитрий Сергеев, безвременно и трагически погибший вскоре в Байкале драматург Александр Вампилов, поэт Ростислав Филиппов...”

Перед отъездом мы посетили декабристские места, и каждому из нас хозева подарили на прощанье “Записки княгини М. Н. Волконской”, изданные в Чите”.

Думаю, что эти события положили начало работы над декабристской частью романа-эссе “Память” Владимира Чивилихина”.

Валентин Распутин: “Огромный патриотический порыв, вызванный романом “Память”, радость и гордость от русского имени, встреча с Родиной, с которой, не расставаясь, мы были в разлуке, потому что знали её коротко, духовное прозрение, готовность претерпеть за Россию что угодно, принятие её с любовью и состраданием в сердце – всё это не могло исчезнуть бесследно. И всё это не в 91-м году нам дано, а добыто прежде. В сегодняшней истерзанной и разграбленной России оно ушло в тылы, силу которым мы ещё не знаем.

Владимир Чивилихин сделал все, что мог, и даже много больше, чем мог один человек. Ему упрекнуть себя не в чем. Имя его навсегда записано в святцы отеческого служения.

России не повезло, быть может, лишь в том, что у неё было недостаточное количество защитников, как Владимир Чивилихин”.

“Много из того, что стало затем книгой “Память”, я слышал от Владимира Алексеевича лет за десять или пятнадцать до написания романа. Всю жизнь он шёл к этой главной работе, по крупичкам собирал её и по крупичкам же всего себя ей отдал. Отдал и душу, и весь свод раздумий о нашей истории и судьбе, всю боль за прерванную память, на ней сорвал своё сердце...”

Читинский семинар сблизил Владимира Чивилихина и Валентина Распутина. В этом же году Владимир Чивилихин написал рецензию на сборник рассказов Валентина Распутина, представленный в рукописном виде.

“... Не боюсь преувеличений, скажу сразу, что В. Распутин – писатель божьей милостью. Это несомненный талант, и мне радостно, что наш семинар откроет его.

От некоторых рассказов этого автора трудно оторваться. Абзацы засасывают глаз, ты ещё не знаешь, куда они тебя ведут, страницы полнятся мыслью и неподдельным чувством, вот последняя фраза – и ты покорён общим замыслом вещи, глубиной захвата жизненного материала, смелостью молодого художника...

Пересказывать содержание рассказов В. Распутина очень трудно, и любой пересказ ничего не даст. Автор покоряет читателя своим мироощущением, объёмностью этого мироощущения, поиском ответов на сложные морально-психологические вопросы.

В. Распутин хорошо владеет языком. Фраза у него крепкая, строгая, сработанная из добротного лексического материала, часто очень неожиданная и точная по мысли, образу. “Насколько внимательно следят за каждым человеком горы, настолько город делает всё возможное, чтобы не замечать его и показывать самого себя...” Нина “устала от собственной тайны. Она с дрожью ждала той минуты, когда во всеулышание можно будет сделать саморазоблачение. Её жизнь заключалась в смерти”.

Должен также сказать, что вместе с радостью знакомства я испытываю какое-то смутное чувство тревоги за В. Распутина. Это, конечно, неплохо для начала – учиться у такого мастера прозы, как Андрей Платонов, но некоторые места в рассказах В. Распутина до иллюзии напоминают платоновскую прозу. В. Распутин крепко держит в руках перо, и надо начинать ему торить свою тропку. Он пытается это делать в рассказе “Сложноподчинённое предложение”, однако попытка эта – явный срыв, неудача. Рассказ этот непременно надо исключить из сборника...

Считаю необходимым срочно издать сборник рассказов В. Распутина и постараться принять его в Союз писателей. В. Чивилихин. 20.08.1965 г.”

“Добрый день, Владимир Алексеевич!

Высылаю книжки – конечно, совестно мне их Вам показывать, но делать нечего, вёрстка рассказов будет, по-видимому, только месяца через полтора, через два, и тогда я сразу её Вам pošлю. Старые рассказы Вы знаете по Чите, какое-то представление о новых, видимо, теперь имеете по тому, что

привёз тогда Сякин. В тофаларской книжке тоже есть один из рассказов, который Вы не читали, — “Продаётся медвежья шкура”.

Как-то неловко снова говорить об этом, но, если всё-таки опять попросить у Вас рекомендацию в Союз. Здесь, в нашем отделении Союза, меня торопят, хотят моё “дело” отправить в Москву ещё в нынешнем году. Только, ради бога, не кривите ради меня совестью — если Вы считаете, что мне ещё рановато, мягко говоря, это делать, напишите, Вас я послушаюсь прежде всего. И черкните, пожалуйста, два-три слова о рассказах, которые Вы прочитали.

Вот такое — сам понимаю — не деликатное у меня к Вам дело. Но... делать нечего.

Желаю Вам всего-всего хорошего (не сочтите это за подхалимаж, хотя это, может быть, и есть начало подхалимажа — кто знает?)

С приветом, Валя Распутин. 11.12.66 г.”

Черновик рекомендации Валентину Распутину для вступления в члены Союза писателей сохранился в архиве в рукописном виде, без указания даты.

“С большим удовольствием рекомендую в члены Союза писателей молодого сибирского прозаика Валентина Распутина. Первые его рассказы “Я забыл спросить у Лёшки”, “Человек с этого света”, “Мама куда-то ушла” и др. появились в центральной печати осенью 1965 года. Читатели и писательская общественность сразу же обратили внимание на несомненную одарённость автора. Валентин Распутин пишет свежо, ёмко, очень по-своему, создавая интересные портреты наших современников, портреты тонкого психологического рисунка.

Молодые рабочие, охотники, колхозники в рассказах В. Распутина умны, деятельны, полны душевного здоровья, а главное — необычайно достоверны, написаны с почти осязаемой реальностью, и это есть первейший признак литературного таланта.

Молодой писатель иногда экспериментирует, ищет, и эти поиски идут в плодотворном направлении.

Особенно глубоко, внимательно и осторожно Валентин Распутин исследует внутренний мир детей и стариков. Автор стремится понять через своих героев начало жизни, осмыслить её итог, пытаясь подчас зафиксировать почти неумовимые движения человеческой природы, тончайшие оттенки чувств.

Журнал “Советская литература” однажды отметил афористичность и оригинальность творчества писателя Валентина Распутина, и это верное наблюдение. Он пишет, например, “Мы одни вовсе не тогда, когда мы одни, а когда мы (начинаем) терять себя”; или: “Если считать оленя только вычным животным, то и себя тогда придётся принимать всего лишь за погонщика”. Или: “Мы ждём от будущего то, чего нам не хватает в настоящем”. И т. д.

Интересные очерковые работы В. Распутина, в частности, в книжке “Костровые новых городов” — о молодых строителях дороги Абакан—Тайшет, — ряд очерков о Тофаларии и тофаларах из книжки “Край возле самого неба” печатались в “Литературной России”. Но известность ему принесли всё же рассказы. Они печатались в “Комсомольской правде”, “Молодой гвардии”, “Смене”, альманахах “Енисей” и “Ангара”, были высоко оценены на Читинском семинаре молодых писателей Сибири. На выходе — издание книги рассказов, планируется однотомник в “Библиотеке (неразборчиво. — Е. Ч.) прозы”.

Считая Валентина Распутина талантливым, своеобразным и многообещающим прозаиком, я рекомендую его в члены СП и уверен, что в лице этого писателя советская литература приобретёт хорошего (неразборчиво. — Е. Ч.)”.

Через несколько дней после письма Валентина Распутина Владимир Алексеевич получил от него открытку: “С Новым годом, Владимир Алексеевич! Желаю самого обычного — чтобы жилось, писалось, чувствовалось.

Большое спасибо за рекомендацию. Рассказы в толстом журнале показывать, наверное, нет смысла, потому что они есть в книжке, а книжка в марте-апреле должна выйти.

Ещё раз спасибо за ваши хлопоты.

С приветом, Валя Распутин”.

В 1967 году Валентина Распутина приняли в члены Союза писателей по одной книжке “Край возле самого неба”.

“Сейчас такое, конечно, невозможно. Я бы первый возражал... И мне ничего не оставалось уже, как стать писателем”, – пишет спустя несколько лет Валентин Распутин.

“В юности я совершенно не думал о литературном признании. Считал, что мне суждено стать учителем, радовался, гордился и серьёзно относился к этому делу”. О своём поступлении в Иркутский университет Распутин сообщает с улыбкой: “Конкурс тогда был маленький, я Пушкина от Маяковского отличал, и этого было достаточно”.

Год 1977-й, апрель. Валентин Распутин посылает Владимиру Чивилихину только что вышедший однотомник “Повести” с дарственной надписью:

“Владимиру Алексеевичу Чивилихину с благодарностью. Ваше благословение, Владимир Алексеевич, всегда чувствую, Ваше святое отношение к литературе и природе всегда поддерживает и подвигает к своим слабым попыткам”.

“21. IV. 77. Москва.

Добрый день, Валентин!

Благодарю за присылку однотомника. Хорошо пишешь, густо, крепко, по-русски, без глупинки к тому же, коей щеголяют иные из нас. Даже думаю, что есть в твоём взгляде что-то очень старорусское, быть может, даже старославянское, от тех голубых времён, когда наши предки, становясь человеками, открывали для себя краски мира сего.

Советовать я тебе ничего не имею права, но будь везде ещё строже с языком. Ну, вот некоторые мелочи – как я бы не написал. В начале “Матёры” есть где-то фраза о том, что, мол, вот так худо-бедно и жила деревня. Выражение “худо-бедно”, мне кажется, употребляется с оттенком сравнительности: худо-бедно, а три стога наметали, две бутылки усидели, худо-бедно, и т. д. В последней фразе этой повести я бы убрал, точнее, заменил чем-нибудь, усложнённое неудобопроизносимое слово “угадывающийся”.

Есть у тебя где-то “прогнулся живот у коня”. Вместо этого “хруста мускулами” я бы написал чего-нибудь другое. У коня вообще-то не живот, а брюхо. Можно было и так изобразить: “прогнулась хребтина” или там “утроба провисла”. Не знаю уж, но “прогнувшегося живота” не видно, что хошь со мной делай...

От души поздравляю с прекрасными вещами, так и надо; ну их всех куда ни то подалее.

Будешь в Москве, звони.

Обнимаю. Вл. Чивилихин”.

Работая над рекомендацией Валентину Распутину в члены Союза писателей, Владимир Чивилихин не случайно отдельной темой в ней обозначил его публицистическое, очерковое творчество, которому они оба были привержены.

Владимир Чивилихин пишет, что он четверть века отдал жанру художественного очерка. “Писал я о Байкале, Горном Алтае, Волге и Балтике, о сибирском кедре и красной рыбе, о степном лесоразведении и чистоте воздушного бассейна, о природоохранительном законодательстве и международных проблемах, связанных с окружающей человека средой...”

“Настоящий писательский очерк, серьёзная публицистика – трудный, чёрствый хлеб, чаще приносящий даже при благоприятных обстоятельствах, главным образом, моральное удовлетворение. Но и это очень даже немало! Работа над очерком – также необходимая, незаменимая школа писательства, потому что учит молодого литератора активности, гражданственности, награждает надёжными критериями в оценке людей и событий, серьёзной проблематикой, не кабинетным и не туристическим знанием жизни.

Наш жанр, следуя живой жизни, разнообразен, как сама жизнь, и имеет свои немалые преимущества, недоступные никакому способу литературного отражения действительности...”

Валентин Распутин: “Публицистика – жанр наиболее мобильный, быстродействующий и добывающийся результатов. Статья будит общественное мнение, заставляет делать выводы и давать ответ. То, что сейчас многие писатели работают в публицистике, – просто необходимость, то, что мы называем

велием временем. Думаю, что публицистика будет у нас в ближайшие два-три года самым читаемым жанром”.

“Работаю над книгой о заповедной Сибири. Она будет публицистическая. Её составят очерки о природе Байкала, Горного Алтая, Якутии, о старых сибирских городах, таких как Томск, Тобольск, Иркутск, размышления о памятниках истории и культуры...”

Читаю постоянно и много. Перечитал книгу Владимира Чивилихина “По городам и весям”, в которой он страстно отстаивал будущее сибирских лесов, боролся за чистоту Байкала...”

Выступая на VI съезде писателей России, Валентин Распутин с болью напомнил: “В 1963 году Владимир Чивилихин написал своё “Светлое око Сибири”, с которого, как с набатного звона, предупреждающего о новой, неслыханной и невиданной доселе для Отечества опасности, потому что она исходила не извне, а изнутри, началась борьба за Байкал”. “Ныне уже мало терпения и дара, мало чистых рук и добрых намерений, — как никогда прежде, писателю необходимы гражданская стойкость и зрелость”.

Закончу размышления о знакомстве и дружбе двух великих писателей цитатой из статьи Валентина Распутина “Он сказал главное слово”, написанной к 70-летию со дня рождения Владимира Алексеевича.

“...С первой нашей встречи и до последней я всегда удивлялся в Чивилихине его откровенной, без оговорок и оглядываний, русскости, которая и всегда-то в России вызывала подозрение больше, чем в Германии или во Франции, а в 60-е годы была попросту опасной. Считалось: жить живи, думать думай, раз уж тебе угораздило таким родиться, но свои “русские” мысли оставляй при себе...”

У Чивилихина сам вид был такой: я есмь русский, и ничего вы со мной не сделаете. И лицом, простоватым и умным, открытым, выносящим душу наружу, и осанкой, коренастой и прочной, и даже мужицкой походкой — всем в себе он казался до того ясен, что скрывать что-либо было бессмысленно. Если бы он говорил и думал по-иному, лицо у него как-нибудь перекошилось бы от возмущения, а речь сделалась невнятной. Есть сосуды, в которые что попало не нальёшь. Такими были Юрий Гагарин, Владимир Солоухин, Василий Шукшин, Анатолий Передреев, а раньше — Сергей Есенин, Фёдор Шалапин. Таким был и Владимир Чивилихин. В них сама природа позаботилась о содержании, и к ним и свои, и чужие отнеслись бы с подозрительностью, если бы они попытались стать другими...”

Владимир Чивилихин часто задавал себе и другим вопрос: “Во имя чего ты живёшь?”

Поэт Владимир Фирсов, говоря о Владимире Чивилихине, как-то написал: “Ко всей жизни его, писательской, человеческой, яркой и гражданской, я бы поставил эпиграфом очень простые слова Сергея Есенина: “Я люблю Родину”.

Эти слова полностью относятся и к Валентину Распутину, к его жизни и творчеству.

По материалам литературного архива В. А. Чивилихина.